

К 75-летию со дня рождения Ниязи

НЕОБЫКНОВЕННАЯ УЛЫБКА

МАЭСТРО НИЯЗИ

Все люди с любовью вспоминают дом своего детства. Помню и я наш старый дом на улице Хагани. Бакинцы его с почтением называли «Дом артистов». Еще бы, ведь здесь жили семьи Магомаева, Бюль-Бюля, Ордубады, Рзаевой, Садыкова... В общем, истинная обитель известнейших личностей Азербайджана.

Жил в нашем дворе и известнейший в стране композитор и дирижер Ниязи Зульфугарович Таги-заде-Гаджибеков.

Он приходился мне двоюродным дядей, и я этим страшно гордился. Он был очень добр ко мне — всегда интересовался моей учебой и успехами по классу фортепьяно. «Когда же, наконец, мы будем играть с тобой на сцене?», — спрашивал он с доброй улыбкой. Я опускал голову —

что мне было ему ответить?.. Я прекрасно понимал, что из-за моей неусидчивости не смогу стать пианистом такого класса, чтобы быть достойным музицировать с самим знаменитым Ниязи. Но втайне не терял надежды, что может быть, в будущем стану неплохим композитором и дирижером. Во дворе мы с ребятами играли в войну, а вернувшись домой, я записывался в комнату, делал из стульев мнимый «дирижерский пульт». Воображал себя перед оркестром.

Как мне известно, Ниязи вначале вошел в азербайджанскую музыкальную культуру, как прекрасный композитор, и, наверное, даже не подозревал, что со временем станет выдающимся советским дирижером. Он глубоко уважал моего деда и говорил, что именно его пример помог обрести композитору Ниязи вторую прекрасную профессию — профессию дирижера. Впервые Ниязи Зульфугарович встал за дирижерский пульт в 1938 году. И необычайно символически

тот факт, что дирижировал он на Первой Декаде азербайджанской литературы и искусства в Москве оперой Муслима Магомаева «Наргиз». Эту оперу после смерти автора он лично отредактировал и подготовил к исполнению в столице нашей Родины. Такие случаи не единичны в истории музыки, и каждый раз такая добродетель музыкантов демонстрировала самые лучшие качества человека: Доброту, Товарищество и Высокое Благородство.

«Наргиз» прошла с большим успехом. После Декады Ниязи получает свою первую правительственную награду — орден «Знак Почета».

Слава дирижера Ниязи с тех пор стала расти с невероятной быстротой. О его таланте взахлеб пишет отечественная и зарубежная пресса. Он приглашается для постановок оперных спектаклей азербайджанской и мировой классики за границу, много гастролирует по Союзу, крупнейшие музыканты мира считают за честь играть и петь с известным маэстро.

1958 год. Мой «дядя Ниязи», как я его называл, прославленный музыкант, а я все еще «из-под палки» играю гаммы и гаммоны, все больше и больше сомневаясь в том, что нам когда-нибудь придется встретиться на сцене.

И вдруг... Бог дал мне... голос! И мои шансы, если не сыграть, то хоть спеть с дядей Ниязи резко возросли. Впервые меня через стенку услышал еще один мой знаменитый сосед — певец Бюль-Бюль и, пригласив домой, попросил спеть что-нибудь итальянское. Прослушав мое пение, он сказал, что у меня талант и что я должен его беречь.

Я был на седьмом небе. И вместо того, чтобы сразу же начать «беречь талант», я помчался в оперу, к ее директору и художественному руководителю дяде

здесь меня вновь «облил холодной водой» мой любимый дядя Ниязи. Будучи художественным руководителем этого концерта, увидев в списке его участников мою

концертами в клубах, домах культуры, в школах... В общем везде, где меня не смог бы достать мой «дядя Ниязи». И, вдруг в зале на очередном концерте я увидел его... До сих пор не знаю — было это случайностью или мой дядя «соскучился» по творчеству «племянничка», но я думал

кестром дирижера Ниязи! — такого я не мог даже представить, да и дядя Ниязи такого больше никогда и никому не предлагал.

Но еще несколькими годами раньше сбылась моя сокровенная мечта... Ниязи не только рекомендовал мое участие в концертах мастеров искусств Азербайджана в Москве, во Дворце съездов, но и сам мне продирижировал. Разумеется, я страшно волновался. Встав за пульт, Ниязи Зульфугарович, почувствовав мое

том, музыкальностью и высочайшей культурой, как это делал. Ниязи.

Как всякий истинный художник, Ниязи был совершенно бескомпромиссным в искусстве. Эта бескомпромиссность толкала его порой на суровые и я бы даже сказал, жестокие поступки. Он не терпел «свободы» в искусстве и всю жизнь боролся с нею. Многие музыканты побаивались его крутого характера. Он неизменно быстро влюблялся в людей, но так же быстро отворачивался от них за любой проступок. И в таких случаях он был абсолютно честен — не держал камня за пазухой, а говорил человеку правду в глаза.

Ко мне же его отношение было удивительно мягким и добрым. Некоторых это почему-то удивляло. Но мне кажется, что прежде всего «дядя Ниязи» не видел повода относиться к «племяннику» иначе: моего деда он глубоко чтил, с моим отцом дружил. С моей же стороны он не мог не чувствовать огромного к себе уважения и бескорыстной любви. Я всегда был предан ему и честен с ним в быту и на сцене. Мое высочайшее уважение к этому близкому мне человеку выражалось даже в том, что, называя его дома «дядя Ниязи», я ни разу не позволил себе этого обращения на репетициях или просто в постороннем обществе.

Ниязи был человеком с удивительным и тонким умом. Он знал множество удивительных музыкальных и просто житейских историй и прекрасно их рассказывал. Те же истории, рассказанные позже другими людьми, теряли свой смысл. Он умел быть исклчительно добрым и внимательным: зная, что я неплохо зарабатываю, он неизменно, при любой встрече, отсылал меня «покушать» к милейшей «тете Аджар». Практически все известные артисты, приезжавшие в Баку, не миновали гостеприимного дома «маэстро Ниязи». Никогда этот че-

ловек не болел болезнью, называемой «накопительство». Единственным его богатством был его талант. Будучи прекрасным и известнейшим композитором, Ниязи никогда не включал в концерты свои произведения самостоятельно. В своем творчестве он был необычайно скромным, поэтому имел полное право требовать этого и от своих младших коллег, у которых порой это качество полюбостью отсутствовало.

Даже меня, своего племянника, он никогда не проебл и даже намеком не дал понять, чтобы я включал в свои программы произведения Ниязи. Я же со своей стороны думал, что, может, маэстро не видит во мне хорошего интерпретатора своих произведений...

И только недавно, в память о дорогом мне человеке, я включил в свой московские и бакинские концерты его прекрасную песню на стихи Ислама Сафарли «Арзу». После исполнения этой песни в Концертном зале имени П. И. Чайковского на моем солонном концерте мне преподнесла роскошный букет цветов супруга нашего выдающегося дирижера Е. Ф. Светланова. Преподнесла цветы, она сказала: «Это вам, Муслим, от меня и от Евгения Федоровича за то, что вы так бережно чтите память всеми нами любимого Ниязи».

Доброе имя Ниязи пользовалось среди известных деятелей искусств всеобщим глубоким уважением. Мне от своих коллег часто приходилось слышать: «Вы, исполнители Азербайджана, счастливые люди — у вас есть дирижер Ниязи».

Да, мы счастливы и сейчас. Счастливы сознанием того, что наша республика дала миру множество прославленных имен, и в этом золотом списке одно из первых мест принадлежит имени выдающегося азербайджанского дирижера и композитора Ниязи Зульфугаровича Таги-заде-Гаджибекова.

Муслим МАГОМАЕВ.
Фото Н. ИБРАГИМОВА.

В ближайшее время в издательстве «Ишыг» выйдет в свет книга воспоминаний «Маэстро Ниязи». Ее читателям представляет один из составителей этого сборника А. Гусейнов:

— Ниязи, как известно, был человеком общительным, у него всегда было много друзей. Так что нам оставалось только собрать воспоминания, которыми все они охотно делились. Это, прежде всего, воспоминания супруги маэстро Хаджарханум Гаджибековой, народных артистов страны и республики Е. Светланова, М. Магомаева, А. Меликова, Л. Иманова, Ф. Бадалбейли, сестер Касимовых, писателей М. Ибрагимова, В. Вагабаде, Наби Хазри.

В книгу также включены статьи самого Ниязи, его переписка с видными деятелями культуры не только нашей страны. Судя по растущему уже сегодня к ней интересу, думается, что она привлечет внимание читателей. И остается только сожалеть о том, что у нас так поскупились тиражом. Согласитесь, что четыре тысячи экземпляров книги о Ниязи — это более чем мало.

Вниманию читателей мы предлагаем воспоминания народного артиста СССР Муслима МАГОМАЕВА.

Ниязи. Каково же было мое расстройство, когда маэстро, внимательно послушав мое исполнение, с доброй улыбкой сказал: «Иди и продолжай учиться, в опере пятнадцатилетним юнцам делать нечего!». Но я во что бы то ни стало хотел петь на сцене, дабы иметь более широкого зрителя, нежели мои однокашники. Где-то через год музыка, в которой я учился, решила все-таки похвалиться своим «вундеркиндом» и рекомендовала меня на правительственный концерт по случаю приезда в Баку высокого гостя. Выступление в таких концертах всегда считались в нашей республике престижными, и я вновь воспрял духом — опять представилась возможность прославиться. Но

фамилию, он немедля вычеркнул ее самым жирным карандашом.

Мне, тогда мальчику, было трудно понять, что делал это все мой дядя для моего же блага, ибо ничто так не портит иной раз молодого, только начинающего артиста, как ранний успех, и что стать большим певцом без учебы невозможна. Но я был упрям и не собирался сдавать так быстро свои позиции.

Тайком от него и от своих родителей, которые полностью поддерживали линию «дяди Ниязи», я пошел и записался в художественную самодеятельность Дома культуры Каспийской флотилии, благо это находилось напротив нашего дома. Наконец я получил возможность петь с

— конец мне. Но, к моему удивлению, «грязь» не было. За кулисами он ласково потрепал меня по волосам и сказал: «Ладно уж, раз не можешь не петь на сцене, то не делай этого как «воришка», а пой под моим наблюдением». И маэстро стал за мной наблюдать.

Вскоре я был в списке кандидатов в состав творческой делегации на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Хельсинки. Я принимал участие во всех праздничных концертах в республике, поступил в Азербайджанскую государственную консерваторию им. Уз. Гаджибекова. Кстати, позже, на выпускном экзамене, маэстро впервые сам предложил мне спеть с его оркестром и под его руководством. Экзамен с ор-

тревожное состояние, улыбнулся мне знакомой, неповторимой, доброй и отеческой улыбкой и своей словно волшебной дирижерской палочкой снял сразу же мое волнение. После этих концертов, транслировавшихся по Центральному телевидению и Всесоюзному радио, я стал известен, но и до последнего нашего совместного выступления, если бывал нездоров или просто излишне волновался, просил «дядю Ниязи» улыбнуться мне перед пением.

Нет сейчас Ниязи Зульфугаровича, и я, вспоминая все наши гастроли, съемки на ТВ, записи на пластинки, могу с уверенностью сказать: ни с одним дирижером мне не было так удобно, спокойно, радостно петь. Никто не мог так заражать своим темперамен-